

Архипова Н.М.

«Год славы русского оружия»

Война 1812 года изображена Толстым как великая, народная, героическая эпопея: «Я старался писать историю народа»; «В “Войне и мире” я любил мысль народную, вследствие войны 1812 года».

Патриотические чувства и ненависть к врагам охватили все слои населения. Но Толстой противопоставляет истинный патриотизм показному, который слышался в речах и возгласах на собрании московских дворян, о котором кричали афиши Растопчина. Мысль о народном ополчении пугала многих дворян: не наберутся ли крестьяне вольного духа («Лучше еще набор... а то вернется к вам ни солдат, ни мужик, а только один разврат», — раздавались голоса на собрании дворянства). Однако лучшие представители дворян, такие как старый князь Болконский и Пьер, создают ополчения из своих крестьян; служат в армии, как князь Андрей и Николай Ростов; участвуют в партизанской войне, как Денисов. Даже пятнадцатилетний Петя Ростов рвется в армию и не представляет себе, чтобы родители не поняли глубины его патриотического чувства: «...Я решительно скажу, что вы пустите меня в военную службу, потому что я не могу... вот и все... я не могу ничему учиться теперь... когда отечество в опасности».

По мере того, как французы продвигались в глубь России, в войну втягивались все новые и новые слои населения, росла ненависть к врагу. Купец Ферапонтов в Смоленске сжигает свой постоялый двор, чтобы ничего не досталось французам. Мужики Карп и Влас не только не хотят продавать врагам сено, но и сжигают его. Толстой показывает, как с момента взятия Смоленска война становилась народной. В первой же битве под Смоленском французы столкнулись со всенародным сопротивлением. «...Мы в первый раз дрались там за русскую землю, — говорит князь Андрей, — в войсках был такой дух, какого никогда я не видал».

Особенно выразительно раскрывается народный характер войны 1812 года в картинах подготовки и проведения Бородинского сражения. Приехав в Можайск, «Пьер увидел в первый раз мужиков-ополченцев с крестами на шапках и в белых рубашках, которые с громким говором и хохотом, оживленные и потные, что-то работали направо от дороги, на огромном кургане, обросшем травой». Описывая сражение батареи Раевского, Толстой показывает высокое чувство товарищества, сознание долга, физическую и моральную силу солдат. Редут Раевского переходит то к французам, то к русским, он покрыт трупами, но русское знамя реет над ним. По мнению Толстого, главное условие победы или поражения — дух армии, ее моральная сила. Оценивая роль Бородинского сражения в войне 1812 года, писатель утверждает, что под Бородином наполеоновская Франция в первый раз испытала на себе руку «сильнейшего духом противника». Бегство наполеоновской армии из Москвы явилось следствием того удара, который она получила в Бородинской битве.

Исторически верно Толстой пишет, что партизанская война в 1812 году возникла не по приказанию правительства, а стихийно. «Партизаны уничтожали великую армию по частям».

План развертывания всенародной партизанской борьбы с врагом был предложен Кутузову Денисовым. Денисов утверждал, что для борьбы с Наполеоном нужна только «одна система — партизанская». Он возглавил партизанский отряд в 200 человек. В его отряде были и солдаты, и крестьяне. «Самым полезным и храбрым человеком» был Тихон Щербатый, «мужик из Покровского под Гжатью», который с топором в руках брал французских «миродеров». «Никто больше его не открыл случаев нападения, никто больше его не побрал и не побил французов». Отряд Денисова совершает героические

подвиги, уничтожая врага. Среди руководителей партизанских партий были люди самых разных сословий. «Был начальником партии дьячок, взявший в месяц несколько сот пленных. Была старостиха Василиса, побившая сотни французов». «...Дубина народной войны поднялась со всею своею грозною и величественною силою и, не спрашивая ничьих вкусов и правил, с глупой простотой, но с целесообразностью, не разбирая ничего, поднималась, опускалась и гвоздила французов до тех пор, пока не погибло все нашествие».

Патриотическим чувством объяснял Толстой и уход жителей из Москвы после вступления в город французов. «Они ехали потому, что для русских людей не могло быть вопроса: хорошо ли, или дурно будет под управлением французов в Москве. Под управлением французов нельзя было быть. Это было хуже всего».